

А.М. Сунгурский

КОМНАТА ДЛЯ ЧУЖОЙ СМЕРТИ

А.М. Сунгурский

Комната для чужой смерти

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Комната для чужой смерти / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Вера Лескова шьёт на дому, спорит с мужем из-за старого дивана и учится не вмешиваться в жизнь взрослой дочери. Однажды полицейский показывает ей фотографию её гостинной. Снимок сделан сегодня — в складской мастерской на другом берегу Оки. Там кто-то построил почти точную копию комнаты: мебель, семейные фотографии, даже карандашные отметки роста у дверного косяка. На полу найден убитый декоратор. Вера не знала его и никогда не заказывала эту работу. Чужой заказ превращает привычный дом в улику. Чтобы выяснить, кому понадобилась их частная жизнь, Вере придётся задать близким вопросы, которых она прежде избегала. Но человек, присвоивший её комнату, и человек, совершивший убийство, могут оказаться разными людьми.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре стены	5
Глава 2. Настоящая квартира	12
Глава 3. Работа Глеба Савина	18
Глава 4. Миллиметровая бумага	24
Глава 5. Право на повторение	30
Глава 6. Папка ученицы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А.М. Сунгурский

Комната для чужой смерти

Глава 1. Четыре стены

Вера дважды распорол левый рукав и наконец поняла, что виноват правый.

Заказчица стояла перед зеркалом в зимнем пальто, приподняв подбородок, как человек, которому меряют давление. На правом плече у неё лежала сумка. Она не сняла её даже для примерки, только отодвинула под мышку и теперь смотрела на Веру с терпеливым недоверием.

— Давайте всё-таки сюда, — сказала Вера и подставила табурет.

— У меня там телефон.

— Мы его услышим.

Женщина опустила сумку, и пальто встало на место. Левый рукав оказался совершенно ни при чём.

Вера зажала распоротый шов двумя пальцами. Теперь надо было незаметно объяснить, почему ещё вчера она обещала вернуть вещь утром, а сегодня просила подождать до вечера. Обычно подходящие слова находились сами. В этот раз она ощутила такую неприязнь к чужой тяжёлой сумке, что вздохнула раньше, чем заговорила.

В дверь позвонили.

— Пойдите, — великодушно разрешила заказчица. — Я посмотрю ещё со спины.

За дверью стоял незнакомый мужчина в тёмной куртке. Он держал перед собой раскрытое удостоверение. Вера сначала увидела фотографию, потом палец на нижнем углу и уже после этого прочла слово «полиция».

— Вера Ильинична Лескова?

— Да.

— Денис Журавлёв, уголовный розыск. Вы здесь живёте?

Она кивнула. Мужчина не пытался шагнуть за порог, и это почему-то испугало её сильнее удостоверения.

— Что случилось?

— Можно уточнить пару вещей?

— С дочкой?

— Нет. Речь о помещении. Вот эта комната вам знакома?

Он повернул телефон. Вера увидела свой диван — бежевый, с продавленным левым подлокотником. На диване лежала тёмно-зелёная подушка. За ним тянулись обои в мелкий рисунок, а рядом, у дверного косяка, белела полоска стены с карандашными чёрточками.

Первой мыслью было, что он уже побывал у неё дома.

Вторая оказалась хуже: фотографию сняли, пока она спала.

— Откуда у вас это?

— Узнаёте?

Вера отодвинула телефон его же рукой и посмотрела ему в лицо.

— Объясните, что случилось с Полиной.

— Я не сообщал о происшествии с вашей дочерью. Позвоните ей, пожалуйста, если тревожитесь. Я подожду.

Он сказал это без раздражения, хотя она уже повысила голос. Вера оставила дверь открытой, вернулась к столу и взяла свой телефон. Заказчица стояла к зеркалу спиной и пыталась рассмотреть себя через плечо.

— Вы не могли бы... — начала Вера.

— Конечно, — ответила женщина и не двинулась с места.

На третьем гудке Полина сказала:

— Мам, я на паре.

Вера услышала сдержанный кашель, шелест одежды, потом дочь заговорила тише:

— Что?

— Ничего. Всё хорошо?

— А что должно быть?

— Ничего, Полин. Просто скажи.

— Всё хорошо. Ты чего?

Вера посмотрела на полицейского. Тот стоял в прихожей, поставив ботинки на половик, и терпеливо изучал плакат над обувной полкой. На плакате были правила ухода за шерстью; Полина принесла его с какой-то ярмарки и повесила вместо семейного календаря. Муж говорил, что теперь жить станет проще: если не знаешь, что делать, не выкручивай.

— Я перезвоню, — сказала Вера дочери.

— Мам.

— Позже. Правда, всё нормально.

Она отключилась, хотя сама только что требовала от Полины полноценного ответа.

Заказчица заметила удостоверение в руке незнакомца. Лицо у неё приняло выражение человека, который готов ничего не слышать, если ему разрешат остаться.

— Пальто будет завтра к десяти, — сказала Вера. — Извините. Я сама вам позвоню.

Женщина начала снимать его неохотно, проверяя, не осталась ли где-нибудь булавка. Вера помогла высвободить рукав. Когда дверь наконец закрылась, в квартире сделалось удивительно тихо. Даже холодильник перестал гудеть.

— Это моя комната, — сказала она. — Что вы хотите узнать?

Журавлёв ещё раз показал фотографию. Теперь Вера заметила больше. Подушка была не тёмно-зелёной, а почти чёрной, будто её сняли при плохом освещении. Над диваном висели три семейные фотографии. На средней Полина держала у щеки котёнка, который давно превратился в толстого кота и теперь спал в кухне на батарее. Рамка правого снимка чуть накренилась. Вера вчера поправила её, когда вытирала пыль.

— Когда сделана фотография?

— Сегодня утром.

— Здесь?

— Нет.

Она перестала смотреть на экран.

— Что значит — нет?

— На складе в Нижнем. Там сооружена комната. Мы хотели бы, чтобы вы посмотрели её на месте.

Вера оглянулась через плечо. Из прихожей была видна часть гостиной: край ковра, ножка торшера, тот самый диван. По его спинке шёл свет от настоящего окна. Ничего не исчезло. Она почему-то ожидала обнаружить голую стену или пустой прямоугольник на полу.

— Это съёмки?

— Сейчас мы выясняем, для чего она предназначалась.

— У меня никто ничего не снимал.

— Вы заказывали декорацию своей квартиры?

— Зачем?

— Это тоже вопрос, на который мы ищем ответ.

Он убрал телефон. Вера заметила, что он не ответил на её первый вопрос ни разу.

— Там произошло преступление? — спросила она.

Журавлёв коротко кивнул.

— Найден погибший мужчина.

Вера поднесла руку к горлу, но остановилась: в пальцах всё ещё была булавка, которую она вынула из пальто заказчицы.

— В этой комнате?

— Да.

Она положила булавку на обувную полку. Потом передумала, взяла снова и воткнула в маленькую подушечку, закреплённую на запястье. Этот порядок почему-то нельзя было нарушать. Булавку могли уронить на пол, наступить, загнать в ногу. Произошло убийство, а оставлять булавки по дому всё равно было нельзя.

— Мне нужно позвонить мужу.

— Конечно.

Михаил не ответил. По вторникам он уезжал рано, и до обеда его приходилось вылавливать между чужими сломанными холодильниками. Вера написала: «Позвони срочно». Посмотрела на слово «срочно» и добавила: «Со мной всё в порядке».

Оперативник попросил взять паспорт. Она принесла его из ящика, где хранились инструкции к бытовой технике, гарантия на очки и Полинин первый заграничный паспорт с фотографией круглой злой девочки. Журавлёв спросил, не хочет ли она дождаться кого-нибудь из близких. Вера покачала головой. Сейчас любой близкий первым делом потребовал бы объяснения, а у неё не было слов даже для себя.

Перед выходом она проверила утюг. Он был выключен из розетки. Она всё равно подняла вилку и положила на гладильную доску, чтобы потом видеть её в памяти отдельно от шнура.

Во дворе моросило. Журавлёв открыл дверь неприметной машины, и Вера села сзади, прижав сумку к животу. У неё тоже оказался там телефон. Она вдруг вспомнила заказчицу и почувствовала нелепый стыд за свою злость.

В дороге Журавлёв спросил, кто живёт в квартире.

— Я, муж, дочь. Полина сейчас иногда остаётся у подруги. Она учится.

— Кто имеет ключи?

— Мы трое. И моя сестра.

— Имя сестры?

— Инна. Инна Ильинична Рогова. Она приходит к коту, если мы уезжаем.

— А в последнее время приходила?

— В воскресенье. Мы вместе обедали.

Он не записывал. Вера не знала, означает ли это, что ответы не важны, или что он способен запомнить всё. Ей хотелось, чтобы записывал. Тогда у каждого слова появилось бы определённое место.

— Приходят заказчики, — добавила она. — Я шью, ремонтирую одежду. Вы сами видели.

— Они проходят в комнату?

— Да. Там зеркало.

— Помещение фотографировали для объявления? Продажи, аренды?

— Мы не продаём квартиру.

Журавлёв подождал, и она поняла, что ответила не на весь вопрос.

— Я иногда фотографирую вещи. На манекене. Он стоит у окна. Но я не снимаю семью и стены. Вы же видели: там даже эти...

Она провела ногтем по собственной ладони, изображая карандашную чёрточку.

— Отметки роста? — уточнил он.

Вера кивнула.

— Их плохо видно даже у нас. А на вашей фотографии видно.

— Какие-нибудь мастера делали замеры?

— Года три назад меняли окно. Потом Михаил сам всё доделывал. Это же наша квартира, там всегда что-то...

Она не закончила. Машина остановилась перед светофором, и рядом оказался автобус. За мокрым стеклом сидела девочка в шапке с двумя помпонами. Девочка смотрела прямо на Веру и беззвучно жевала. Вера отвела глаза первой.

Михаил перезвонил, когда они уже свернули с широкой дороги.

— Вер, что?

Она услышала у него за спиной мужской голос: «Тогда старый не забирайте». Михаил ответил кому-то: «Минуту», и шум сделался тише.

— Я с полицией еду, — сказала Вера.

— Куда?

— Я не знаю адреса. На склад. Кто-то сделал нашу гостиную.

— Что сделал?

Она почувствовала, что сейчас разозлится. На него, потому что это был её муж и ему полагалось понимать быстрее всех.

— Комнату. Такую же. И там убили человека.

На этот раз он не переспросил. Сказал только:

— Передай телефон сотруднику.

Вера протянула аппарат между передними сиденьями. Журавлёв назвал себя, адрес, несколько раз повторил, что с ней всё в порядке. Вернул телефон.

— Я приеду, — сказал Михаил. — Сама ничего не трогай. И не подписывай, если не понимаешь.

— Я понимаю, что подписываю.

— Вер, я просто... Я еду.

Она отключилась и убрала телефон в сумку. Теперь хотелось, чтобы Михаил уже стоял у ворот и сказал, что всё объяснилось, пока она ехала.

Склад оказался низким длинным зданием среди других таких же. Над одной дверью висел щит с выцветшими буквами, от которых сохранилось только слово «аренда». У ворот стояла машина скорой помощи. Двое мужчин курили под навесом; один держал сигарету на вытянутой руке и смотрел на неё так, словно не помнил, откуда она взялась.

Вера вышла. Туфля попала в мелкую лужу, и вода сразу просочилась к пальцам. Она обула тонкие осенние туфли — первые, до которых дотянулась. Всё остальное в прихожей было слишком долгим выбором.

Журавлёв подвёл её к женщине в тёмно-синем плаще. У той были собраны волосы, а на левой щеке оставался красный след, будто она некоторое время прижимала к лицу жёсткую ладонь.

— Вера Ильинична? Я следователь Лариса Крутова. Спасибо, что приехали. Сразу скажу: входить куда вам хочется здесь нельзя. Я покажу, где остановиться. Если станет плохо, скажете.

— Мне уже плохо.

— Тогда постоим.

Крутова не взяла её под локоть и не стала говорить, что волноваться не надо. Они некоторое время стояли у двери. Под навесом один из куривших мужчин бросил сигарету в банку из-под краски. Второй не двинулся.

— Мне показали фотографию, — сказала Вера. — Вы нашли мой адрес?

— В материалах по изготовлению комнаты. Разберёмся с ними отдельно. Сейчас мне нужно понять, насколько она похожа на вашу и узнаете ли вы человека.

— Я могу узнать его по фотографии.

— Конечно. Никто не требует, чтобы вы подходили к телу. Но комнату лучше увидеть в объёме. Если согласны.

Вера посмотрела на серую дверь. За ней что-то негромко стукнуло, потом кто-то попросил принести дополнительный свет.

— Я согласна.

Внутри пахло мокрой древесиной, краской и пылью, которую подняли совсем недавно. Проход шёл вдоль высокого стеллажа. На полках лежали обрезки пенопласта, круглые деревянные детали и большая белая кисть руки с отломанным мизинцем. Вера бывала за сценой, когда шила для студенческого спектакля, и узнала этот беспорядок: вещи, не имеющие смысла по отдельности, ожидают, пока кто-нибудь поставит их вместе.

Крутова остановила её перед полосой на полу. Вера сначала увидела обратную сторону декорации. Фанерные листы, стойки, наклонные подпорки. На одном листе размашисто написали карандашом «ОКНО». Два электрических провода уходили вверх, к холодным складским светильникам.

Потом они обошли угол.

И Вера оказалась дома.

Это было настолько точное ощущение, что она сделала лишний шаг. Крутова выставила руку, не касаясь её, и Вера остановилась у широкого проёма, где должна была находиться стена с телевизором. Стены здесь не было. Но остальные три, диван, торшер, низкий столик, узкая полка с фотографиями стояли на своих местах. Даже ковёр лёг углом под ножку дивана: дома Вера никак не могла заставить Михаила приподнять этот тяжёлый край, чтобы выправить складку.

Сначала она не увидела человека.

Он лежал на полу между столиком и креслом, на боку, отвернув лицо от входа. Рука была согнута, пальцы поджаты, как у спящего. На нём был серый свитер. Вера успела подумать, что Михаил никогда бы не надел такой — на груди вышиты тонкие красные полосы, — и только потом увидела тёмное пятно у его головы.

Она отвернулась.

Крутова подставила ей обычный деревянный стул. Его принесли из глубины склада, он был пыльный, с чужим пятном краски на сиденье. Вера села и держалась за края обеими руками. Стул оказался единственной вещью, которая не пыталась её обмануть.

— Не смотрите туда, — сказала Крутова. — Смотрите на меня.

Вера смотрела на застёжку её плаща. На застёжке была капля дождя.

— Он здесь жил?

— Работал. По предварительным сведениям, изготавливал эту комнату.

— Я его не знаю.

— Вы не видели лица.

— Я его не знаю, — повторила Вера, уже тише.

Крутова присела так, чтобы оказаться на одном уровне с ней, и показала другую фотографию. Живой мужчина стоял на фоне деревянных щитов и прищуривался. Под мышкой он держал рулон бумаги. Волосы были светлее, чем Вера успела рассмотреть у лежавшего человека. На вид — лет сорок, может быть, меньше.

Она долго всматривалась. Ремесленный человек, знакомая ей усталость вокруг глаз. Такие приходили в ателье с единственными приличными брюками, которые надо подшить к завтрашнему утру. Она могла забыть его. Но лицо ничего ей не говорило.

— Нет. Не помню.

— Глеб Савин. Это имя вам известно?

Вера покачала головой.

Крутова убрала телефон и дала ей время. За декорацией негромко разговаривали. Кто-то сказал: «Угол полностью», и перед ложным окном вспыхнул свет. Вера почувствовала на лице тепло от лампы, хотя окно находилось далеко.

— Можно я посмотрю на фотографии? — спросила она.

Следователь уточнила, на какие, и Вера показала на стену над диваном.

— Отсюда. Подходить пока нельзя.

Вера встала. Лицо лежащего мужчины теперь скрывал край кресла. Она цеплялась глазами за всё, что находилось выше: рамки, полку, плафон. На правой фотографии она стояла вместе с мужем у воды. Это был отпуск, в который Полина не поехала: осталась дома готовиться к поступлению и потом призналась, что готовилась не столько к экзаменам, сколько к жизни без родителей.

— Эти снимки у меня дома, — сказала Вера. — Такие же.

— Есть цифровые копии?

— Наверное. У мужа. У дочери. У сестры могла быть фотография с Полиной, я ей пересылала. Но всё вместе...

Она осеклась. У косяка были чёрточки. Снизу — короткие, неуверенные, выше — ровные. Чужой человек старательно повторил неловкую букву «П», которую Михаил написал, когда дочери исполнилось три. Повторил и след от ластика: в один год Полина встала на носочки, а отец сделал вид, что поверил.

Вера подняла руку, показывая, и вдруг увидела на запястье подушечку с булавками. Она так и не сняла её перед дорогой.

— Вот это никто не фотографировал, — сказала она. — Никто специально.

Крутова посмотрела на отметки, затем на её руку.

— Кто мог знать, что там написано?

— Любой, кто приходил к нам.

Слова вышли слишком легко. Вера попыталась представить всех этих людей вместе, в своей комнате: заказчицы, друзья Полины, мастер по окнам, участковая медсестра, сосед, которому давали удлинитель, сестра с пакетом апельсинов. Люди стояли у порога, переступали на ковёр, снимали обувь, оставляли мокрые зонты. Она всех впускала сама.

— Это точная копия? — спросила Крутова.

Вера заставила себя посмотреть ещё раз.

Торшер был её, но шнур не шёл к розетке. Кресло было её, но ткань на боковине оказалась совсем новой. Диван — её, только продавленное место сделали нарочно. Возле ножки столика лежал тёмный прямоугольник, и она сперва приняла его за Полинин старый планшет. Потом поняла: это дощечка, покрашенная в чёрное.

— Почти, — сказала она.

— Что отличается?

Вера хотела перечислить. Вместо этого подняла голову.

Над ними не было потолка.

Три домашние стены обрывались, а выше шли металлические балки склада. Из круглого светильника свисал мёртвый мотылёк. Рядом с одной подпоркой валялась пустая упаковка от печенья.

Вера вдруг поняла, что сюда можно заглянуть сверху. Что у комнаты есть обратная сторона. Что кто-то ходил за её стенами, пока она, настоящая, спокойно спала дома.

— Я хочу к мужу, — сказала она.

Крутова кивнула и повела её обратно мимо листа с надписью «ОКНО». На этот раз Вера увидела, что под карандашной надписью есть ещё одна, маленькая, сделанная красным маркером.

«Не упрощать».

На улице ей пришлось подождать, пока глаза привыкнут к обычному пасмурному свету. У ворот уже стоял Михаил. Куртку он застегнул косо, попав молнией в складку свитера; раньше Вера бы сразу указала на это.

Он шагнул к ней и обнял. Она уткнулась лбом в его плечо, почувствовала знакомый запах холодного металла и автомобильного сиденья. Муж начал что-то спрашивать, но замолчал, когда она сильнее сжала его куртку.

Вера закрыла глаза. Перед ней осталась гостиная — всё та же, с диваном и фотографиями.

Она не могла понять, какую из двух комнат видит.

Глава 2. Настоящая квартира

Михаил хотел взять Веру к Инне. Он сказал это таким тоном, каким предлагал переставить холодильник, чтобы открыть заднюю стенку: решение уже было найдено, оставалось исполнить.

— Там сейчас никого нет, — ответила Вера.

— У тебя есть ключи.

— Мне надо домой.

— Тебе надо посидеть спокойно.

Она отстранилась. Муж ещё держал её за плечи, и Вере пришлось опустить его руки. Крутова стояла неподалёку; она сделала вид, что не слышит, но это была слишком явная любезность.

— Я поеду домой, — повторила Вера. — Если там тоже что-нибудь случилось, я хочу знать.

— Сведений о происшествии у вас дома пока нет, — сказала следователь. — Мы хотели бы осмотреть комнату и зафиксировать сходство. С вашего согласия. Можно сегодня, когда вы будете готовы.

Михаил повернулся к ней.

— Она только что увидела покойника. Какое согласие?

— Я спросила Веру Ильиничну.

Вера почувствовала к Крутовой благодарность и тут же раздражение: та делала всё правильно, но это правильное устройство разговора заставляло её отвечать за собственное решение.

— Сегодня, — сказала она. — Только дайте сначала приехать.

Следователь записала её номер и предупредила, что позвонит. Журавлёв остался на складе. Михаил повёл Веру к своей машине, старому универсалу с потёртым задним бампером. Пассажирское сиденье было занято коробкой; он убрал её назад, потом вернулся за оставшейся отвёрткой.

В машине пахло нагретой пластмассой и кофе. Вера пристегнулась. Муж завёл двигатель и некоторое время не трогался.

— Они сказали, кто он?

— Глеб Савин. Делал декорации.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Совсем?

Она посмотрела на него, и он сразу добавил:

— Ладно. Я понял.

Выехали со двора, пропустили грузовик. Михаил обычно ворчал на машины, которые занимают всю дорогу, а сейчас терпеливо ждал, пока водитель сдаст назад. Вера заметила, что он крепко сжимает руль.

— Там наши фотографии, — сказала она. — Не похоже. Наши.

— Могли взять из интернета.

— И отметки роста?

— Сейчас можно всё увеличить.

— Их нет в интернете, Миш.

— Ты уверена?

— Я не выкладываю в интернет дверные косяки.

Он нажал на газ резче, чем требовалось. Из коробки сзади что-то звякнуло.

— Я не тебя обвиняю, — сказал он.

— А я не прошу объяснить мне за три минуты, как это сделано.

Они замолчали. Машина поднялась на мост. Ока была серой, с тёмными полосами у берегов. Вера поймала себя на мысли, что вода одна и та же с обеих сторон, и рассердилась уже на себя. Она начинала проверять самые простые вещи.

Телефон в сумке завибрировал. Полина.

— Где ты?

— Еду домой.

— Что случилось? Папа сказал, ты с полицией.

Вера посмотрела на Михаила. Он не повернул головы.

— Дома поговорим. Ты на занятиях?

— Я еду.

— Не надо бросать...

— Я уже еду, мам.

После разговора Вера хотела спросить мужа, когда он успел позвонить дочери, но поняла: пока она сидела на складе, другие люди тоже продолжали жить и что-то делать. Он имел право испугаться. Полина имела право узнать. Только сама Вера всё ещё хотела, чтобы ей дали сначала разобраться в случившемся наедине.

Во дворе у дома было пусто. На лавочке лежал мокрый рекламный лист, зажатый между досками. Михаил поднялся по лестнице первым, затем остановился на площадке и протянул руку за ключами.

— Я открою.

— Они у тебя свои.

Он похлопал по карманам. Ключи оказались во внутреннем, вместе с квитанциями. Замок повернулся с привычным заеданием. Кот вышел в прихожую, сел и посмотрел на них с ожиданием, которое не имело отношения к убийству.

Вера прошла мимо него прямо в гостиную.

Всё было на месте.

Пальто заказчицы висело на манекене, левый рукав — с раскрытым швом. На столе лежали ножницы, коробка ниток и листок с размерами. У окна стояла гладильная доска; вилка утюга белела на ткани. Солнечного света не было, только рассеянный серый день. В складской копии свет казался ярче.

Она остановилась у самого края ковра.

— Вер, — сказал Михаил из прихожей.

— Подожди.

Вера обошла столик. Между ним и креслом было тесно; если встать, как стояла Крутова, край кресла заслонял часть ковра. Здесь мог лежать человек, и из прихожей его было бы не видно.

Она переставила ногу и сразу отступила.

Михаил вошёл следом, посмотрел на пол и понял.

— Давай переставим.

— Не трогай.

Он остановился, держа руки чуть в стороне от тела.

— Ты сказала, он там лежал. Я подумал, тебе будет легче.

Вера села на диван. Левый подлокотник мягко поддался. В копии его продавили иначе, сверху, а дома внутренняя пружина давно сломалась, и локоть проваливался к боковине. Разница была такой маленькой, что ей захотелось плакать.

— Не трогай, пожалуйста. Сначала пусть они посмотрят.

Муж кивнул и пошёл в кухню. Вера слышала воду, стук чашек, недовольное мяуканье. Кот требовал корм; утром она не положила ему вторую ложку, потому что пришла заказчица.

Она достала телефон, открыла семейную переписку. Фотографий там были сотни: еда, поездки, кот, сломанная ножка стула, новая куртка Полины, которую дочь прислала с вопросом «слишком?». Вера пролистала назад до снимка с отдыха. Она стояла у воды, придерживая волосы, а Михаил шурился и пытался спрятать от солнца часы, которые нагрелись на руке. Кто их снял? Женщина с соседнего пляжного шезлонга. Нет, это был мужчина, а женщина потом попросила снять их в ответ.

Вера увеличила изображение. Сколько раз она могла переслать этот снимок? Инне, матери, подруге. Полина размещала его в общей папке, чтобы не потерялся. Ничего особенного, ничего тайного. И всё-таки чужие люди повесили эту фотографию над диваном, возле которого убили человека.

Дверь хлопнула. Полина вбежала в гостиную, не сняв ботинки. На ней была широкая куртка, с плеча сползал рюкзак. Она посмотрела на мать, потом на отца с чашками.

— Что произошло?

Михаил поставил чашки на столик.

— Сядь сначала.

— Я могу стоя.

Вера рассказала. По мере рассказа случившееся становилось всё невероятнее. Склад. Их диван. Их фотографии. Чужой человек на ковре. Она сказала «человек», а Михаил добавил «убитый», будто дочь могла иначе не понять.

Полина сняла рюкзак и поставила его у двери. Из бокового кармана выглядывал рулон бумаги.

— Вам показали всю комнату?

Вера подняла глаза.

— Почти. Там только три стены.

— А окно?

— Сделано. Ненастоящее.

Дочь кивнула. Очень медленно, как человек, проверяющий чужой рассказ по своему знанию. Вера это заметила, но была слишком устала, чтобы сразу понять.

— Почему ты спрашиваешь про окно?

— Ну... его же сложнее повторить.

Михаил сел на подлокотник кресла.

— Они нашли адрес у этого человека. Значит, кто-то его дал.

— Не обязательно, — сказала Полина.

— А как?

— Адрес можно узнать.

— Полин, я не спорю, можно. Я говорю, у нас его узнали.

Вера посмотрела на дочь. Та расстегнула куртку, затем застегнула обратно. В прихожей кот тёрся о её ботинок; Полина обычно сразу наклонялась к нему, а сейчас не замечала.

— Ты фотографировала комнату? — спросила Вера.

— Конечно, фотографировала. Мы все фотографировали.

— Целиком. Для занятий.

— Было задание по пространству.

Михаил перестал качать ногой.

— Когда?

— Недавно.

— Кому ты отправляла снимки?

Полина посмотрела на него так, словно он уже перешёл границу, которую они раньше договорились не пересекать.

— Пап, это не значит, что...

— Кому, Полина?

— Я могу сама рассказать.

— Так расскажи.

Дочь замолчала. Вера знала это молчание. В двенадцать лет оно появлялось из-за двойки по математике; в шестнадцать — когда Полина возвращалась позже, чем обещала; теперь молчание стало взрослым, и мать больше не имела к нему прежнего ключа.

— Михаил, дай ей снять куртку, — сказала она.

— Я просто спрашиваю.

— Я слышала.

Он встал и отнёс свою чашку в кухню, хотя не сделал ни глотка.

Полина сняла куртку, повесила её на спинку рабочего стула. Села на край дивана, оставив между собой и матерью большое пустое место.

— Я делала обмер. Не только фотографии. Это для портфолио.

— Ты брала нашу комнату?

— Да. Я спрашивала, можно ли передвинуть кресло. Ты сказала — только сама потом поставь.

Вера вспомнила. Суббота, рулетка, раздражённый кот, который мешал дочери раскладывать листы. Она шила срочный заказ и не слушала. Полина что-то объясняла про пространство человека, про то, как вещи меняют комнату, а Вера попросила не ставить ноутбук на её ткань.

— Я помню, — сказала она.

Михаил появился в дверях кухни.

— И кому отправила?

— Антону. Он ведёт мастерскую.

— Фамилия.

— Нестеров. Это не секрет.

— Тогда почему мы вытягиваем?

Полина резко встала.

— Потому что вы уже решили! Я сняла комнату, значит, я привела убийцу? Да?

— Никто этого не сказал, — ответила Вера.

— Папа сейчас скажет.

— Не надо за меня, — произнёс Михаил.

Зазвонил телефон. Вера почти обрадовалась. Крутова уточняла, могут ли они приехать через полчаса. Вера сказала «да», потом добавила:

— Дочь делала фотографии нашей комнаты. Для занятий. Она дома.

Полина стояла неподвижно. Когда мать положила телефон, спросила:

— Ты могла сначала мне сказать?

— Что?

— Что сразу передашь им.

Вера посмотрела на неё и впервые за весь день ощутила не страх, а злость.

— Человека убили, Полина. Там, где стоят наши фотографии. Я не буду выяснять, удобно ли нам об этом рассказывать.

Дочь побледнела. Вера сразу пожалела о тоне, но слов обратно не взяла.

Полина подняла рюкзак и ушла в свою комнату. Дверь не хлопнула. Закрылась тихо, и это оказалось хуже.

Михаил сказал:

— Вот теперь она всё сотрёт.

Вера повернулась к нему.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я говорю, как бывает.

— С нашей дочерью?

Он отвёл глаза.

— Я пойду посмотрю замок.

— С замком всё нормально.

Но он всё равно взял отвёртку и вышел в прихожую.

Вера осталась одна. На журнальном столике остывал её чай. Она убрала чашку на поднос, потом остановилась. Можно ли трогать что-нибудь, если комнату сейчас будут осматривать? У них дома не было преступления. Муж только что принёс этот чай. Она всё равно поставила чашку обратно.

Крутова приехала с Журавлёвым и ещё одним сотрудником, который принёс аппарат и сумку. Вера впустила их, вытерла половик ногой, словно это имело значение. Ей объяснили, что хотят снять общие виды и несколько деталей, попросили показать комнату. Михаил стоял у дверей с отвёрткой в руке, пока Журавлёв не попросил его убрать инструмент, чтобы удобнее было разговаривать.

Вера сняла пальто с манекена, чтобы открыть вид на стену. Потом вернулась с ним: ведь утром оно висело именно здесь. Крутова сказала, что им нужна обстановка, а не неподвижность каждого предмета. Вера кивнула и повесила пальто в прихожей.

Полину позвали. Она вышла со своим ноутбуком. Куртку уже сняла, волосы собрала в узел. На лице было выражение твёрдой готовности, которое Вера любила бы в любой другой день.

— Я сделала папку, — сказала дочь. — Всё, что передавала. И переписку пока не закрывала.

Михаил посмотрел на неё, потом на Веру. Ничего не сказал.

Крутова попросила Полину сперва рассказать, что это было за задание. Они сели в кухне; Вера осталась в гостиной вместе с фотографировавшим сотрудником. Ей предложили тоже присутствовать, если дочь не возражает, но Полина сказала, что сама объяснит. Вера могла настоять. Не стала.

Из кухни доносились отдельные слова: «мастерская», «не институт», «по вечерам». Вера поняла, что знает о занятиях дочери гораздо меньше, чем думала. Полина училась в одном месте, а туда ходила дополнительно, по собственной инициативе. Она когда-то рассказывала. Вера помнила сумму, которую они заплатили за курс, и не помнила имени человека.

Сотрудник спросил, можно ли приблизить кресло на несколько сантиметров, чтобы снять боковину. Вера разрешила. Он подвинул, сделал снимки и вернул на место. Всё занимало секунды, но после каждого движения ей приходилось убеждаться, что комната осталась той же.

Журавлёв изучал фотографии над диваном.

— Этот снимок когда сделан?

— Летом, — сказала Вера. — Два года назад.

— Сохранился исходный?

— Да. Я только что смотрела.

Она показала телефон. Он не стал брать его без спроса; попросил переслать определённым способом, который они потом уточнили вместе. Вера выполнила, стараясь не выбирать соседние снимки. На одном Михаил спал с открытым ртом, на другом у неё раздулась от солнца щека. Чужим людям не требовалось видеть всё.

— Вы улыбаетесь, — сказал Журавлёв.

Она удивилась.

— Здесь у мужа часы нагрелись. Он всё пытался руку спрятать.

Оперативник посмотрел на снимок внимательнее.

— Теперь видно.

Вера погасила экран. От этой короткой обычной реплики ей стало легче, и она почувствовала к нему осторожную симпатию.

Крутова вышла из кухни с Полиной. Следователь не выглядела ни обрадованной, ни встревоженной.

— Мы ещё свяжемся по материалам, — сказала она. — Сейчас важно сохранить исходники и переписку в том виде, в каком они есть. Ничего не исправляйте для ясности.

— Я ничего не исправляла, — ответила Полина.

— Хорошо.

Перед уходом Крутова попросила Веру на минуту задержаться в прихожей.

— Ваша дочь передавала достаточно подробные материалы. Это объясняет один возможный путь появления копии. Само по себе участие в учебном проекте не говорит об участии в преступлении.

— Я понимаю.

— Скажите это ей. Если действительно понимаете.

Вера посмотрела на следователя. Та уже застёгивала плащ и не ждала благодарности.

Когда дверь закрылась, квартира снова стала своей — по звукам, по запаху чая, по коту, который наконец выбрался из-под кровати. Только положение кресла показалось Вере неправильным. Она нагнулась и увидела на ковре старые углубления от ножек. Кресло вернули чуть в сторону.

Михаил заметил, что она смотрит вниз, и молча передвинул его точно по следам.

Полина стояла у двери своей комнаты.

— Мам, я не знала, что кто-то будет это строить.

Вера подошла к ней. Хотела обнять, но дочь держала ноутбук обеими руками, и между ними осталось его твёрдое ребро.

— Я тебе верю, — сказала Вера.

Полина смотрела прямо на неё, словно проверяла, не появится ли следом «но».

Вера не добавила ничего.

Глава 3. Работа Глеба Савина

Когда Лариса Крутова вернулась на склад, стул, на котором утром сидела Лескова, уже убрали. Комната без тела выглядела неправдоподобно чистой: люди из группы ещё работали, у кресла оставались следы осмотра, но самый существенный предмет исчез, а остальная обстановка словно пыталась вернуться к своему первоначальному назначению.

Какое именно у неё было назначение, пока никто толком не объяснил.

Семён Гуров ждал в маленьком офисе возле входа. В комнате помещались письменный стол, два стула и шкаф с отсутствующей дверцей. Над столом висел календарь за прошлый год. Гуров не снял рабочую толстовку; белые мазки на рукавах напоминали следы муки.

Крутова села напротив. Она уже разговаривала с ним утром, но тогда он был способен возвращаться только к одному: дверь не закрыта, Глеб лежит, он думал, что тот упал, хотел поднять.

Теперь ей требовалось всё, что было раньше.

— Вы сегодня пришли раньше обычного?

— Да. В семь с небольшим. Я говорил.

— Почему?

— Доделать. Там край оставался на плинтусе. Вчера Глеб сказал, что сам, но я знаю его «сам».

— Что это значит?

Гуров провёл ладонью по лицу.

— Он мог всю ночь сидеть над фотографией, потом уснуть. А утром приедут, и у нас плинтус голый. Моя работа, мне и доделывать.

— Кто должен был приехать?

— Заказчики. Из галереи. И ещё человек, которому продают. Я с ними напрямую не договаривался.

Крутова посмотрела на лежавшую перед ней копию рабочего листа. Название галереи было записано от руки: «Переход». Рядом два номера и короткое «Кира». Галерея уже получила сообщение о случившемся. Её руководительница подтвердила встречу на следующее утро и ещё дважды перезвонила, уточняя, можно ли всё-таки забрать документы, которые она передала Савину для просмотра.

— Как давно вы делаете комнату?

— С конца августа. С перерывами. Сначала щиты и пол, потом мебель, потом они пошли по мелочам. Подушка не та, след не такой, рамка висит не так. Подушка у нас уже третья.

— Кто «они»?

— Кира. Антон. Ну, Кира больше про срок. Антон про то, как должно выглядеть. Иногда наоборот.

Он говорил быстрее, когда речь заходила о работе. Крутова дала ему возможность договорить.

— Из мебели что настоящее?

— Диван настоящий. Переделанный, но сесть можно. Кресло нашли на объявлении, перетянули. Столик тоже. Стены наши. Окно бутафорское, батарея пустая. Ковёр новый, но затёрли. Я бы себе такого не сделал, только испортили вещь.

— А что нельзя трогать?

— Там многое нельзя. Дощечка вместо планшета. Розетка без провода. Фото... Ну, фотографии можно трогать, только зачем. Там же смотреть будут. Это не квартира.

Он сказал последнее с раздражением, будто ему вновь пришлось объяснять заказчику разницу между декорацией и жилищем.

— Вы знали, чья квартира послужила образцом?

— Нет.

Крутова положила перед ним копию обмерного листа. В углу стояли фамилия Лесковой, адрес и дата.

— Это видели?

— Видел, конечно. Там размеры. Я имею в виду, я не знаю этих людей.

— Когда лист появился?

— Сразу. Антон папку принёс. Вот такую, на резинке. Там фотографии и эти планы. Глеб копии сделал, чтобы оригиналы не заляпать. Потом ещё новые файлы присылали. Где подписи мелкие, где высота плинтуса.

— Папка где?

Гуров посмотрел на стол, потом на шкаф.

— Должна быть у Глеба. Не здесь, у него на рабочем месте. Красная.

Рабочее место Савина уже осмотрели. Красной папки не оказалось. Были отдельные листы, распечатки и несколько файлов на компьютере, который предстояло изучить. Обмер нашли под образцами ткани, куда Гуров в прошлую пятницу положил его, чтобы сравнить размер рисунка на обоях с фотографией.

Крутова уточнила это у него. Он подтвердил, добавив, что сверху поставил банку с кистями и поэтому лист мог выглядеть как старый мусор.

— Вчера видели красную папку?

— Видел. Глеб кому-то показывал.

— Кому?

— Ершову. Наверное. Я не слышал. Они опять за расчёты сцепились, я ушёл работать в конец.

— «Опять» — как часто?

Гуров потёр ногтем белую корочку на рукаве.

— Игорь нам каркасы помогал собирать. И свою машину давал. Ему должны. Он думает, Глеб получил всё и придержал. А Глеб говорит: мы сами ещё не получили. Я не бухгалтер.

— Вы сколько получили?

— За первую часть полностью. За вторую половину. Остальное после сдачи.

— Вы верили, что заплатят?

Гуров поднял на неё глаза.

— Я у него три года работаю. Он мог задержать. Но я же не только здесь. Мы делали и нормальные заказы.

— Этот ненормальный?

— Этот странный. Деньги нормальные.

За дверью что-то уронили. Гуров дёрнулся, затем сердито выдохнул. Крутова подождала, пока он снова посмотрит на неё.

— Во сколько Ершов ушёл?

— Около семи. Я потом ещё час был. Может, больше.

— На чём основано «около семи»?

— Девушка написала, что поздно приду. Я ей сразу ответил. Можно посмотреть.

Он достал телефон. Переписка не была заранее подготовлена. Гуров долго листал, злился на собственные пальцы, открыл не тот день, вернулся. Крутова видела, как его успокаивает возможность найти определённое время вместо общих слов.

Сообщение оказалось отправлено в девятнадцать ноль семь: «Ершов ушёл, сейчас докрашу и выйду». Потом было ещё одно, через час: «Глеб попросил закончить рамки. Уже всё». Дальше девушка прислала сердитый смайлик и фотографию остывающей еды.

— После второго сообщения вы ушли?

— Через несколько минут. Помыл кисти, закрыл банку.

— Глеб был один?

— Да.

— Что делал?

— Сидел на диване. Не дома, на этом. С телефоном. И планшет у него был, чёрный. Рабочий. Он увеличивал фотографии, чтобы глянуть рамку. Там угол спорный был.

Крутова не стала сразу спрашивать про планшет. Уточнила рамку.

— Какой угол?

— Который наклонить надо. В оригинале кривая рамка, а у нас сначала ровно повесили. Потом Антон сказал: нет, воспроизведите как есть. Мы наклонили. Глеб вечером её ещё крепил, чтобы не выпрямлялась.

— Все фотографии уже висели?

— Да. Две раньше. Третью только в понедельник привезли заново, она слишком тёмная получилась. Мы поставили новую.

— Кто привёз?

— Из печати. Курьер. Я не записал имя.

— Планшет вы когда-нибудь использовали вместо предмета декорации?

Гуров задумался.

— Он просто лежал, если Глеб работал. Там дощечка должна быть. Я сделал болванку, но он её всё время куда-нибудь задвигал. Она под рукой мешалась. Может, и поставил потом.

— Куда задвигал?

— На верстак. В ящик. Под диван, один раз. Я не следил.

Крутова отметила этот ответ. Он пока ничего не решал. Настоящего планшета в списке найденного не было. Телефона Савина тоже. Компьютер остался на месте, камера для рабочих съёмок — на полке. Человек, который забрал два небольших устройства, мог хотеть их содержимое, деньги от продажи или просто не заметить остального.

— У Глеба была привычка записывать заказы в тетрадь?

Гуров посмотрел на неё с удивлением.

— Да. Чёрная, на пружине. Она всегда при нём.

— Вчера видели?

— На столике. Он передо мной сидел и что-то считал. Там все суммы, кто сколько должен. И наши тоже.

— Где он её носил?

— В кармане куртки. Большая такая тетрадь, но помещалась. У него карманы как сумки.

Крутова попросила описать обложку, не подсказывая детали. Гуров сказал, что левый нижний угол обмотан серой лентой, а на первой странице наклеена фотография мальчика в бумажном шлеме. Егора, сына Глеба. Тетрадь он видел открытой, когда хозяин выдавал ему деньги.

За окном офиса прошёл Журавлёв. Крутова знаком попросила его подождать.

— Вы не звонили вчера Глебу после ухода?

— Нет. Я хотел один вечер дома побыть.

— Он кому-нибудь собирался звонить?

— Сказал, что нужно закрыть одну неприятную историю. Я подумал — про деньги.

— Именно так сказал?

Гуров нахмурился.

— «Закрыть неприятную историю». Или «разобраться». Я не помню слово в слово. Он уже в телефон смотрел.

— Хорошо. Не подгоняйте.

Он молчал некоторое время, затем спросил:

— А я могу хотя бы инструменты забрать? Не сейчас. Потом.

— Какие ваши, перечислите. По возможности разберёмся.

— У меня другой работы нет. Я про это.

Крутова поняла, что он стыдится. Утром нашёл хозяина мёртвым, а вечером уже думает, чем заработать. Дала лист и ручку. Гуров начал писать, медленно вспоминая, что принадлежало ему до общей мастерской.

* * *

Надежда Савина приехала в сумерках. Сын остался у её матери; сама она сказала об этом прежде, чем Крутова успела спросить.

— Он ещё не знает, — добавила она. — Я хочу сама сказать. Не из телефона.

— Постараемся, чтобы сведения о семье не распространялись через нас.

Надежда кивнула. На ней был лёгкий плащ, не подходивший к погоде, и Крутова подумала о туфлях Веры Лесковой. Люди, которых выдёргивали из обычного дня, почти всегда одевались неправильно.

Говорили в той же маленькой комнате. Гурова уже отпустили после необходимых действий. На столе остался его список инструментов; Крутова перевернула лист, чтобы не отвлекал Надежду.

— Мы не живём вместе, — сказала Савина. — Почти год. Если нужны документы, я привезу.

— Скажите пока, когда вы в последний раз общались.

— Вчера. Он звонил. Сначала поговорил с Егором, потом со мной. Обещал в четверг забрать его после занятий.

— Это было обычное обещание?

Надежда посмотрела на неё недобро.

— Вы хотите спросить, выполнял ли он?

— Да.

— Иногда. Чаше предупреждал за час, что не может. Егор привык спрашивать: «Папа точно?» Я отвечала, что точно. Очень умно с моей стороны.

Она отвернулась к шкафу. На полке лежала картонная голова дракона с оторванным ухом. Крутова знала, что лучше не заполнять паузу.

— Но если забирал, — продолжила Надежда, — то с ним был. По-настоящему. Я прошу это тоже записать, если вы записываете. Он не всегда приходил, но, когда приходил, не сидел весь день в своём телефоне.

Крутова кивнула.

— Он рассказывал про этот заказ?

— Про комнату? Да. Что много денег и много дурости. Он так говорил про всё, где требовали аккуратно.

Надежда улыбнулась, и улыбка сразу исчезла.

— На самом деле он сам аккуратно делал. Чужие просьбы его злили, когда совпадали с его собственными. Будто отняли право решить.

— У него были денежные трудности?

— Всегда были. То хороший месяц, то нет. Мне перечислял. Недостаточно, нерегулярно, но перечислял. Последний раз в пятницу. Я могу показать.

— Покажете. Кто-нибудь угрожал ему?

Надежда не ответила сразу.

— Ершов мог орать. Они ссорились. Но он и мне однажды полчаса объяснял, что Глеб безответственный. По телефону. Человек, который хочет убить, наверное, не станет жаловаться бывшей жене.

— Бывает по-разному. Когда звонил?

Она нашла звонок. Десять дней назад, вечером. Говорили одиннадцать минут. Надежда объяснила, что Игорь искал Савина, тот не брал трубку, а она сказала, что уже давно не знает, где он проводит каждый вечер.

— Вы ревновали?

— Мне не хватало на это времени. Я работаю и забираю сына, а Глеб делает большие вещи, которые никуда потом не помещаются.

Она снова посмотрела на картонного дракона.

— Вот это он Егору обещал. Не эту голову, другую. Поменьше. Для костюма. Я сказала, что не надо, он потом всю квартиру займёт. Лучше бы промолчала.

Крутова дала ей время, затем спросила о тетради. Надежда сразу узнала описание.

— Вторая такая. Первую он залил кофе. Это я купила. Егор фотографию приклеил, чтобы папа не забывал, кому должен в первую очередь. Мы пошутили. Тогда ещё вместе жили.

— У вас есть снимок тетради?

— Возможно. Егор делал. Я посмотрю.

— Нам важно установить, была ли она у Глеба вчера и куда могла деться.

Надежда подняла глаза.

— Вы её не нашли?

— Пока нет.

— Тогда он точно никуда не собирался уходить надолго. Он без неё не уезжал. Даже в отпуск.

Крутова записала эту привычку.

Надежда достала телефон и несколько минут искала фотографию. Нашла не тетрадь, а короткое видео: Глеб сидел на полу в кухне, Егор примерял бумажный шлем. Мальчик зацепился краем за лампу, отец поднял руку, спасая её, и оба засмеялись. Тетрадь лежала на столе, виден был заклеенный угол.

— Можно без звука? — спросила Надежда.

Крутова кивнула. Женщина выключила звук и показала ещё раз.

На неподвижном кадре Глеб выглядел младше, чем на утренней фотографии. Сидел неловко, поджав одну ногу, и смотрел вверх на сына. В комнате вокруг него был обычный беспорядок. Ничего не предназначалось для чужого взгляда.

Надежда убрала телефон.

— Когда мне можно будет его забрать?

Крутова ответила, что нужно уточнить порядок и сроки после необходимых исследований, назвала, кто свяжется с ней. Не обещала завтра, хотя видела, как Надежда ждёт определённого дня, за который можно держаться.

У двери женщина остановилась.

— Там, в этой комнате... Он один лежал?

— Да.

— А я почему-то думала, ещё кто-нибудь. Все говорят «какая-то комната», «чужая квартира». Я уже придумала.

Она провела ладонью по воротнику и вышла.

Журавлёв вернулся, когда Крутова закрывала папку. Принёс два стакана кофе. Один был почти холодным.

— У ворот камера со стороны соседнего арендатора, — сказал он. — Сам вход в мастерскую не берёт. Записи запросили. Сторож в будке не сидит постоянно, у него обходы. Пока нельзя сделать вид, что мы знаем всех вошедших.

— Ершов?

— Нашли. Не прячется, но очень злой. На покойного в том числе. Говорит, приедет с документами о долге.

Крутова взяла холодный стакан.

— А Нестеров?

— Готов говорить. Сам звонил в галерею после нашего звонка. Говорит, последнее посещение в пятницу, вчера был у Орловой.

— Орлова подтверждает?

— Пока в общих словах. Сказала: обсуждали сделку весь вечер.

Крутова посмотрела на чертёж комнаты. Стены, окно, диван, кресло. В углу — фамилия молодой женщины, которая сегодня сидела у матери на кухне и старалась отвечать как взрослая.

— Пусть каждый сначала расскажет свой вечер отдельно, — сказала она. — До того, как они успеют сделать из него общий.

Глава 4. Миллиметровая бумага

Инна пришла с большой кастрюлей. Вера узнала её ещё по звуку в замке: сестра всегда дёргала ключ на себя прежде, чем повернуть до конца.

— Я звонила, ты не отвечала, — объявила она из прихожей. — Поэтому без церемоний. Миша сказал, вы не ели.

Михаил вышел за кастрюлей, а Инна сняла пальто и сразу прошла в гостиную. Не задержалась на пороге. Посмотрела на ковёр, на кресло и фотографии, затем на Веру.

— Точно такая же?

Вера кивнула.

— Люди с ума посходили. Я читала, сейчас так делают для съёмок. Берут настоящие квартиры и повторяют. Может, сериал какой-нибудь.

— В нём человека убили, Инн.

— Я понимаю. Я про то, зачем строили.

Она взяла со стола пустую чашку и понесла в кухню. Вера не остановила: весь день люди прикасались к вещам, она устала каждый раз решать, позволять ли.

Полина вышла из своей комнаты на запах еды. Инна обняла её за плечи.

— А ты чего такая? Мать напугалась, у неё хоть причина есть.

— У меня тоже есть, — сказала Полина.

Инна посмотрела на Веру, ожидая пояснения, но та предложила сначала поесть. Кастрюля была с домашними пельменями, ещё тёплыми; на крышку сестра поставила маленькую банку сметаны, чтобы не нести отдельно. Михаил разливал чай. Кот прыгнул на пустой стул и занял место возле Полины.

Первые несколько минут никто не говорил о комнате. Инна рассказывала, как застряла у подъезда: водитель развозной машины оставил дверь открытой прямо на проход, ушёл и не возвращался. Михаил возразил, что иногда иначе нельзя. Сестра сказала, что ему, конечно, виднее, он сам всё время так делает. Это был обычный спор, в котором не требовалось побеждать. Вера слушала его с почти физическим облегчением.

Потом Полина отодвинула тарелку и сказала:

— Я делала фотографии для курса. Возможно, взяли их.

Инна перевела взгляд на Веру.

— Какого курса?

Дочь объяснила. Вера теперь слушала внимательнее. Несколько месяцев Полина по вечерам ходила в мастерскую, которую вёл фотограф и специалист по выставочным пространствам Антон Нестеров. Занятия проходили не в университете, а в арендованном зале. Там учились разные люди: студенты, начинающие дизайнеры, одна женщина, которая работала бухгалтером и хотела делать музейные проекты. Нестеров показывал, как читать помещение: где человек останавливается, что видит первым, куда ему хочется повернуть.

— Читать помещение, — повторил Михаил.

Полина посмотрела на него.

— Да. Ты, когда заходишь к человеку, сразу видишь, где нельзя ставить холодильник. А другие не видят. Тут похожее.

Он хотел возразить, но промолчал.

— Задание было про обжитое место, — продолжила дочь. — Не нарисовать красивую комнату, а понять, почему она такая. Я выбрала нашу.

— Разве нельзя было какую-нибудь другую? — спросила Инна.

— Можно. Но нашу я знаю.

Вера подцепила вилкой последний пельмень. Он остыл и слипся с тарелкой. Она не была готова услышать, что дочь знает их комнату лучше всех, хотя это вполне могло быть правдой.

— Покажешь? — спросила она.

Полина пожала плечами и принесла рулон бумаги.

Они разложили его на столе, предварительно убрав посуду. На миллиметровке были тонкие линии, прямоугольники, стрелки и маленькие подписи. Вера узнала диван не сразу: сверху он выглядел длинным тяжёлым предметом, перекрывающим стену. Её рабочий стол был помечен двумя состояниями — обычным и разложенным для раскроя. Пунктир показывал, как приходится обходить его, если мать шьёт.

— Это почему красным? — спросила она.

— Тут неудобно проходить.

— Я же убираю к вечеру.

— Мам, это не претензия. Это просто так.

Михаил наклонился ближе. Показал на кресло.

— Расстояние неверное. От него до стола меньше.

— Когда стол разложен. Я оба положения дала.

Он нашёл вторую линию и кивнул.

В углу стояло: «Лескова П. М. Жилой интерьер. Исходный обмер». Ниже — адрес. Вера провела пальцем рядом, не касаясь чернил.

— Зачем адрес?

— Чтобы идентифицировать объект. Мы так подписывали. Я спросила, обязательно ли полностью, Антон сказал, для рабочей папки лучше.

— Он приходил сюда?

— Нет.

— Ни разу?

— Мам, нет. Мне хватало вопросов от следователя.

Вера убрала руку.

Инна рассматривала чертёж с интересом.

— У тебя красиво получается. Только если это куда-то пойдёт, надо лица убрать.

Полина резко подняла голову.

— Я так и написала.

В комнате стало тихо.

— Кому? — спросила Вера.

— Антону. Когда отправляла. Что фотографии семьи нельзя показывать без отдельного согласия. Мне для замеров нужны были общие виды. Я предлагала потом заменить картинки в рамках на другие.

— И что он?

— Согласился.

— Это осталось?

— Да. Всё осталось. Я показала сегодня.

Вера не знала, что ответить. Ещё несколько часов назад она представляла, как дочь бездумно разослала весь их дом знакомым. Теперь на столе лежала работа, в которой даже неудобный проход был измерен, а о лицах Полина подумала раньше взрослых.

Инна разгладила край бумаги.

— Тогда с тебя какие вопросы. Ты предупредила.

— Вопросы всё равно будут, — сказал Михаил.

— Миша, ну зачем ты её давишь?

— Я не давлю. Я хочу понять, что дальше делать.

— Сейчас поесть нормально. Вон у неё целая тарелка осталась.

Полина свернула чертёж. Не сердито, аккуратно, подхватывая край двумя руками, чтобы не замять. Вера хотела попросить оставить его ещё немного, но не стала. Дочь унесла работу в свою комнату, вернулась за своей тарелкой и убрала её в холодильник.

Инна дождалась, когда она выйдет, и сказала тихо:

— Ты только не устраивай ей обыск телефона. Она больше ничего не расскажет.

— Я не собиралась.

— Хорошо.

Сестра произнесла это так, словно удалось предотвратить глупость, о которой Вера сама ещё не знала. В другой день она бы вспылила. Сейчас только попросила не учить её при Михаиле.

Инна подняла брови, затем кивнула.

— Извини.

И действительно замолчала. Это тоже было её свойством: она могла причинить неудобство, но не всегда пыталась доказать, что неудобство полезно.

Пока Михаил мыл посуду, Вера зашла в гостиную и стала складывать нитки. Перед ней лежала недоделанная работа, а завтра должны были прийти ещё три человека. Она написала двум, попросила перенести примерку. Третьей позвонила, потому что женщина не читала сообщения. Та долго объясняла, что ей в пятницу уезжать. Вера согласилась принять послезавтра, хотя не представляла, как сможет ставить чужого человека перед зеркалом и спокойно смотреть, что он разглядывает за её спиной.

Инна подошла сзади.

— На пару дней можешь ко мне переехать. Я всё равно поздно возвращаюсь.

— Мне надо работать.

— Машинку возьмём.

— А стол, манекен, клиентов тоже?

— Клиентам скажешь адрес.

Вера обернулась. Сестра сразу подняла руки.

— Всё. Поняла. Просто предлагаю.

Она заметила открытую папку с фотографиями на экране Вериного ноутбука.

— Ты что ищешь?

— Где могли остаться снимки комнаты. Кроме Полининых.

Инна не ответила сразу.

Вера заметила эту паузу. После сегодняшнего дня она замечала слишком много пауз.

— Что?

— Миша говорил, вам всё равно диван менять.

Из кухни перестала течь вода.

— При чём здесь диван?

Инна посмотрела в сторону двери.

— Мы его выставляли. В прошлом месяце. Я сделала объявление, потом сняла. Никто нормальный не написал.

Вера медленно закрыла ноутбук.

— Наш диван?

— Да. Миша сказал, вы думали менять.

Михаил появился в дверях с полотенцем.

— Мы и думали. Ты сама говорила, надоело в яму проваливаться.

— Я говорила. И что, он у нас уже продавался?

— Никто бы не забрал без тебя. Инна просто цену проверить.

Сестра достала телефон.

— Я покажу. Там ничего такого. Только диван.

На фотографии был диван. И стена над ним. Три семейных снимка оказались достаточно мелкими, чтобы не разглядеть лиц, но сама комната узнавалась. Вера увидела край своих ножниц на столе. Она и здесь присутствовала, хотя в кадре её не было.

— Когда ты сняла?

— Когда приходила за коробкой. Миша был дома.

— Ты могла спросить меня.

— Могла, — согласилась Инна. — Но я не думала, что это...

Она посмотрела на лицо Веры и не закончила.

Михаил повесил полотенце на плечо.

— Вер, давай не будем смешивать. Это обычное объявление о диване. На таком снимке ничего построить нельзя.

— Теперь ты и это знаешь?

Он убрал полотенце с плеча, скомкал и снова расправил.

— Я не знаю. Но я не приводил к нам посторонних.

— Я сегодня сказала полиции, что мы не публиковали комнату.

— Ты не знала, — сказала Инна. — Я сама скажу, если нужно.

Вера взяла у неё телефон. В объявлении не было номера квартиры, только район. Цена стояла маленькая, почти обидная. В описании сестра написала: «Состояние хорошее, небольшая просадка сиденья». Про сломанную пружину не упомянула.

— И состояние хорошее, — произнесла Вера.

— Это формулировка для объявления. Потом всё равно люди смотрят.

— Наши вещи, наши фотографии, наша комната. Почему мне всё время надо узнавать потом?

Инна убрала телефон.

— Потому что раньше ты не считала это бедой. И я тоже. А сейчас считаешь. Я поняла.

Вера хотела ответить, что считала бы и раньше. Но она не была уверена. Ещё неделю назад сама могла попросить сестру выставить этот диван, лишь бы не отвечать на бесконечные вопросы о размере и подъёме.

Михаил подошёл к креслу, сел, не глядя на участок пола рядом. Потом спохватился и посмотрел на Веру. Она покачала головой: пусть сидит. Нельзя было отменять каждое привычное движение.

— Пришли мне объявление, — сказала она сестре. — Я передам следователю. И переписку, если кто-то писал.

— Там люди спрашивали доставку и обмен на велосипед.

— Всё равно.

Инна кивнула. В этот раз без замечания о том, что она и так собиралась.

* * *

Поздно вечером Вера закончила пальто. Левый рукав лёг ровно. Она надела вещь на манекен, отошла, посмотрела, затем убрала булавки в коробку и сняла игольницу с запястья. Под ремешком осталась красная полоска. Она носила его весь день и не заметила.

Михаил постелил в спальне и позвал её. Вера сказала, что сейчас придёт, но ещё некоторое время стояла у дверного косяка.

Самая нижняя отметка была едва видна. Полина тогда не хотела стоять прямо, всё время поворачивала голову, чтобы посмотреть, что отец пишет над ней. Михаил прикладывал линейку к макушке, дочь визжала, что щекотно, а Вера пыталась снять это на телефон. Видео получилось рваным: сначала детская пятка, потом пол, потом половина смеющегося мужа.

Она не могла вспомнить, сохранилось ли оно.

Из комнаты Полины просачивался свет. Вера постучала, услышала «да» и вошла.

Дочь сидела на полу, разложив перед собой распечатки. Ноутбук стоял на стуле. На экране было письмо.

— Ты кому пишешь?

— Антону. Хочу спросить, где мои материалы.

Вера остановилась у двери.

— Следователь не просила не связываться?

— Она просила ничего не удалять и сказать, если со мной свяжутся. Я могу сначала ей написать, что собираюсь спросить.

— Напиши.

Полина посмотрела на неё, ожидая ещё запрета. Вера села на край кровати.

— Тётя Инна выставила наш диван. На фотографии была комната. Я тоже это передам.

Дочь усмехнулась без веселья.

— Папа знает?

— Он и попросил.

Полина опустила глаза к распечаткам.

— Понятно.

Вера не стала защищать мужа. Дочь имела право некоторое время посидеть с этим коротким словом.

На одном из листов был нарисован их стол, но иначе: не прямоугольник сверху, а вид со стороны окна. За столом сидела женщина, похожая на Веру, только у неё не было лица. Руки держали ткань, а ноги загораживал ящик с обрезками.

— Это ты сама?

— Да.

— Хорошо получилось.

— Ты же не видишь, там черновик.

— Я вижу свои руки.

Полина посмотрела на рисунок, затем осторожно перевернула его, как будто похвала мешала продолжать работу.

— Я не хотела, чтобы к нам кто-нибудь лез, мам.

Вера кивнула.

— Знаю.

— Я хотела показать, что обычная комната тоже не случайная. Ты там всё устроила для себя, папа для себя, я когда маленькая была... Там следы. Это интересно.

— Уже вижу, что интересно.

Дочь закрыла глаза.

— Не надо так.

Вера прикоснулась к краю кровати, словно могла удержать сказанное за ткань.

— Прости. Я не про твою работу.

Полина некоторое время молчала. Потом повернула к ней ноутбук.

— Вот письмо. Прочитай, что я пишу. Если там что-нибудь лишнее...

— Я не специалист.

— Ты мама. Прочитай просто.

Вера наклонилась. Письмо было коротким: Полина спрашивала, кто получил её материалы, почему по ним сделана комната и где остались исходные файлы. Никаких угроз, никаких попыток угадать за адресата.

— Так и спроси, — сказала Вера.

Дочь отправила сначала сообщение Крутовой. Само письмо оставила в черновике до ответа. Вера не знала, было ли это обязательным, но была рада, что Полина сама выбрала не спешить.

Ложась, она попросила Михаила оставить дверь спальни приоткрытой. Он встал, открыл, затем зачем-то включил свет в прихожей.

— Так?

— Да.

Он лёг рядом, не обнял сразу. Вера сама нашла его руку под одеялом.

В квартире негромко работал холодильник. За стеной сосед передвигал стул. По коридору прошёл кот, и когти дважды щёлкнули по ламинату.

Все звуки были знакомые. Вера слушала каждый до конца.

Глава 5. Право на повторение

Кира Орлова принесла документы в двух одинаковых папках. Одну положила на стол перед Крутовой, вторую оставила у себя на коленях. Накануне она отвечала по телефону и торопилась уточнить, какие вещи остались на складе. Сегодня пришла без спешки, в сером костюме, с тщательно собранными волосами. Только ногти на правой руке были обкусаны короче, чем на левой.

— Здесь договор с Савиным, переписка по изготовлению, платежи, — сказала она. — Я подготовила всё, что вы просили.

— А во второй?

— Документы по самому произведению. Они к убийству, я надеюсь, отношения не имеют.

Крутова посмотрела на папку. Орлова сняла её с колен и положила рядом с первой.

— Надежда — не основание не показывать, я понимаю.

— Начните с того, что именно вы заказали Глебу Савину.

— Физическую реконструкцию пространственной работы Бориса Веденина. Она называется «После жильцов. Комната 7». Проект датирован восемнадцатым годом. Глеб должен был изготовить стены, подобрать и изменить мебель, воспроизвести предметы по перечню и изображениям.

— Кто такой Веденин?

Орлова чуть заметно выпрямилась. Крутова узнала этот жест: собеседник обнаружил область, в которой может восстановить привычное превосходство.

— Художник. Работал с пространством, оставленными вещами. Умер в двадцатом году. Его вещи есть в частных коллекциях, несколько работ показывались в музеях. Это не массово известное имя, но в своей области он значим.

— Он сам делал мебель?

— Не обязательно. Главное — работа, которую он определил: состав, расположение, условия показа, что можно заменять, что нельзя. Иногда он строил сам с помощниками, иногда нанимал мастеров. Новая сборка не означает подделку. Это заранее предусмотрено в ряде его проектов.

— В этом предусмотрено?

— Нам предоставлены такие документы. И разрешение наследницы.

Крутова открыла вторую папку. На первом листе было название, год, размеры. Ниже — подпись, рядом печатное имя Раисы Ведениной и дата этого года. К листу прикладывались копии схем и несколько фотографий.

Крутова спросила, что именно подтвердила вдова художника.

— Право на одну реконструкцию по этому комплекту, — ответила Орлова. — Передачу конкретному приобретателю. Публичный показ в согласованных пределах. Условия есть дальше.

— Она подтвердила, что муж видел эту комнату?

— Это следует из архивных материалов.

— Я спросила о ней.

Орлова помедлила.

— Лично со мной Раиса Георгиевна об этом не говорила. Подготовкой архива занимается Антон Нестеров. Он работал с Борисом Ильичом, знает корпус. Мы получили комплект от него и сверяли с наследницей уже право на реализацию.

— Значит, он дал материалы, она дала разрешение, вы заключили договор с изготовителем.

— В общих чертах.

— Кто покупатель?

— Юрий Туманов. Он собирает небольшую экспозицию. Частную, но с возможностью посещения. У него уже есть несколько пространственных работ, он знает, что приобретает.

— Вчера он должен был смотреть комнату?

— Да. Предварительная приёмка, до перевозки. Вы понимаете, это значительные габариты. Сначала нужно было убедиться, что всё соответствует, затем разобрать и перевезти в подготовленное помещение.

Крутова достала фотографию гостиной Лесковых. Не складскую, а сделанную накануне дома. Положила перед Орловой.

Та наклонилась и сразу убрала со снимка руку, словно могла его испортить.

— Это где?

— В квартире Веры Лесковой. Вчера. Она живёт там с мужем и дочерью.

Орлова долго смотрела. Потом нашла в своей папке один из отпечатков и положила рядом. Поменяла их местами, пододвинула ближе к окну.

— Комната сохранилась?

— Как видите.

— Мне говорили о другом состоянии источника.

— О каком?

— Что квартира больше не существует в том виде. Что проект сохраняет конкретный момент.

— Кто говорил?

Орлова подняла взгляд.

— Антон. Я не допрашивала его по каждому слову.

— Эти фотографии вы считали снимками восемнадцатого года?

— Архивный набор. Часть могла быть добавлена для реконструкции. Мне нужно проверить, какие именно изображения отнесены к исходному проекту, а какие к техническому приложению.

— Проверьте при мне.

Галеристка открыла папку. Листы шуршали в её руках быстрее, чем раньше. Она вынимала одни, возвращала другие, затем остановилась на развороте с тремя общими видами. Под ними стояло: «Авторская фотофиксация. 2018».

На правом снимке над диваном висели Вера и Михаил у воды.

Крутова не стала сразу сообщать год. Спросила:

— Это видел покупатель?

— Да.

— И что ему обещали?

— То, что здесь написано. Но сама комната собрана сейчас, это никто не скрывал.

— Я про фотографию.

Орлова опустила руки на стол.

— Я понимаю, про что вы. Если вы хотите сказать, что фотографии новые, скажите прямо.

— Один семейный снимок на стене сделан летом две тысячи двадцать четвёртого года. Источник мы проверяем. Владелица узнала себя и мужа, предоставила исходный файл. Есть и другие материалы, по которым комната воспроизведена.

Кира посмотрела на фотографию снова, теперь на маленькую рамку.

— Этого я не знала.

— Дочь Лесковой передала Нестерову учебный обмер в этом году.

— Подождите. Учебный?

— Да.

— Он ведёт занятия. Но это ещё не значит, что весь проект...

Она остановилась. Крутова не помогла ей закончить.

— Я хочу поговорить с Антоном, — сказала Орлова.

— Вы поговорите. Сейчас мне нужно, чтобы вы рассказали своё взаимодействие с ним до сегодняшнего разговора.

Галеристка сняла очки. Положила в футляр, закрыла его слишком резко.

— Я понимаю, как это выглядит. Но я не специалист по каждому архиву, с которым работаю. Нестеров представил проект, ранее не осуществлённый полностью. Наследница подтвердила право на сборку. Покупатель видел документы. Я организовала изготовление. Именно за изготовление я и плачу Савину. Не за историю семьи.

— Сколько?

— Восемьсот сорок тысяч. По этапам. Пятьсот пятьдесят перечислено, остаток после сдачи.

— Сколько стоит работа для покупателя?

Орлова на мгновение замолчала.

— Семь миллионов восемьсот тысяч. Это цена произведения с правом одной реконструкции, архивным комплектом и организацией. Не дивана и фанеры.

— Я не сравниваю. Покупатель платил?

— Два миллиона двести тысяч аванса. Деньги распределялись по подготовке. Есть платежи, ничего не скрытано.

Крутова отметила суммы.

— Нестеров сколько получает?

— У него отдельный договор на архивную подготовку и сопровождение. Общая сумма — миллион сто тысяч, часть уже выплачена. Я приложила копию.

— Глеб знал конечную цену?

— Возможно. Я не скрывала её специально, но это не предмет нашего подряда.

— Он требовал больше?

Орлова посмотрела на первую папку.

— Он требовал закрыть остаток раньше приёмки. Говорил, что ему надо рассчитываться с людьми.

— Вы отказали?

— Я сказала, что нужно закончить. Он и раньше не всё делал в срок. При этом работу я уважала. Комната получилась сильная.

— Сильная?

— Когдаходишь, кажется, что там действительно кто-то только что жил. Вы видели.

Крутова подумала о Вере, у которой при виде поддельного дома задрожали руки. Да, это действие на человека она видела.

— Последний раз вы общались с Глебом в понедельник?

— Да. По вопросам сдачи.

— Во сколько?

Орлова достала телефон. Посмотрела журнал звонков.

— Днём. И вечером были сообщения. Я всё передам в относящейся к заказу части.

— Что в вечерних сообщениях?

— Недовольство формой приёмки. Суммами. Он хотел, чтобы по факту готовности мы оплатили всё, а потом уже занимались архивными вопросами.

— Какие архивные вопросы он поднимал?

Кира подняла голову.

— Он говорил, что отвечает за выполненную работу, а не за авторство проекта. Это разумное замечание. Мы собирались уточнить формулировку.

— Кто «мы»?

— Я и Антон.

— Весь вечер вы были вместе?

— В галерее. Обсуждали поставку, договор, документацию. Юрий Андреевич тоже приезжал.

— Вы непрерывно видели Нестерова?

Орлова слегка нахмурилась, словно вопрос был придижкой к обычной человеческой речи.

— Нет, конечно. Я выходила, говорила по телефону. Он мог спускаться курить. Мы не сидели, привязанные друг к другу.

— Назовите промежутки, когда вы видели его лично.

Они разбирали вечер ещё почти час. Начало получилось достаточно определённым: Нестеров пришёл к закрытию галереи, около семи. Орлова показывала ему письмо Туманова. Потом приехал сам покупатель, и Кира отвела его в кабинет. Нестеров остался в зале с документами. Орлова выходила дважды. В один момент видела его спину возле стола. В другой — только куртку на стуле. Точно сказать, сколько длился разговор с покупателем, не могла; просила дать время сверить переписку и вызов машины.

Крутова записывала отдельно то, что Орлова наблюдала, и то, что считала само собой разумеющимся. Общий вечер постепенно распадался на короткие отрезки. Между ними оставалось место, в котором могли поместиться самые разные дела.

— Вы вчера сказали сотруднику, что обсуждали сделку весь вечер, — напомнила она.

— Мы и обсуждали.

— Сейчас получилось несколько встреч с перерывами.

Орлова раздражённо выдохнула.

— Я отвечала на звонок, когда узнала об убийстве человека, с которым работала. Я не давала поминутный отчёт. Если моя неточная фраза вам помешала, я сейчас уточняю.

— Кто имел ключи от мастерской?

— Глеб. Помощник. Кажется, Ершов. У меня не было. Антон иногда получал запасной для съёмки, потом возвращал. Это надо у него уточнить.

— Какой съёмки?

— Этапы работы. Комплектность. Для архива и покупателя.

Крутова ещё раз посмотрела на фотографии. На одном снимке был виден край настоящего планшета Савина, положенного на диван. Он не входил в композицию и не был похож на плоскую дощечку возле ножки стола.

— Эти кадры кто делал?

— Антон. В пятницу, если не ошибаюсь.

— Сохраните исходные файлы и всю переписку. Мы уточним, что и в каком порядке потребуется предоставить.

Орлова кивнула. Собрала очки, телефон, пустую обложку второй папки. Документы оставила.

У двери она остановилась.

— Мне нужно понимать, могу ли я сообщить покупателю о возможной ошибке в атрибуции. Не о материалах вашего дела, а о том, что сейчас увидела сама.

— Вы должны отвечать за свои сообщения и обязательства. Я не буду давать вам коммерческих советов. Если хотите согласовать передачу конкретных сведений о расследовании, назовите их.

Кира кивнула ещё раз, уже иначе.

— Я поняла.

Она вышла, оставив на столе две истории одной и той же комнаты: рабочую, где были фанера, деньги и сроки, и вторую, с именем умершего художника. Крутова раскрыла первую. Начинать всё равно следовало с живого человека, который до понедельника делал эту вещь своими руками.

* * *

Журавлёв вернулся ближе к обеду. Он побывал у Ершова и говорил так, словно ещё слышал его голос.

— Сто двадцать шесть тысяч, — сказал он. — Игорь может назвать эту сумму с любого места разговора. Договорённость частично письменная, частично их обычная работа. Нужны сверки. На понедельник никакого красивого алиби у него нет: уехал, заезжал на заправку, потом домой. Жена дома, но они поссорились, он снова выходил.

— Из-за Савина?

— Из-за денег вообще. Она считает, что он позволяет на себе ездить. Он считает, что она не понимает. Оба говорят громко.

Крутова показала ему лист с конечной стоимостью установки.

Журавлёв прочёл. Поднял глаза.

— А хозяева настоящей комнаты сколько получают?

— Пока — визиты полиции.

Он не улыбнулся.

— Дочь пишет, Нестеров ответил, что её материал использовался только как учебный пример. Готов всё объяснить лично. Она спрашивает, идти ли на встречу.

— Пусть не идёт одна и не пытается вытянуть из него признание. Нам нужна сохранённая переписка. Мы с ним поговорим раньше.

Журавлёв кивнул, затем достал ещё один лист.

— И звонок Надежды Савиной. Она вспомнила про понедельничный разговор сына с отцом. Глеб сказал, что скоро приедет человек и надо будет закончить разговор. Егор спросил — кто, папа ответил: «По работе». Мальчика пока не дёрпали. Разговор шёл через телефон Надежды, она готова показать время входящего звонка.

Крутова взяла лист.

— После ухода Семёна?

— По предварительному — да. Проверим.

Она закрыла папку с именем художника и придвинула к себе хронологию вечера. Среди больших сумм и архивных дат появился небольшой, пока неясный промежуток: живой отец обещает сыну прийти в четверг и ждёт человека по работе.

До четверга оставался один день.

Глава 6. Папка ученицы

Утром заказчица пришла на десять минут раньше и не сразу вошла в квартиру.

— У вас всё благополучно? — спросила она, заглядывая через плечо Веры.

Вера поняла, что вопрос означает: можно ли здесь спокойно переодеться.

— Пальто готово. Проходите.

Женщина сняла сумку сама, поставила на табурет и надела пальто. Рукава лежали ровно. Она посмотрела на себя спереди, сбоку, потом долго рассматривала линию плеча.

— Вот теперь хорошо. Видите, я же говорила, там что-то было.

Вера не стала объяснять. Взяла деньги, записала оплату в свою тетрадь и проводила заказчицу. Та уже на пороге спросила, можно ли принести костюм мужа.

— На следующей неделе, — ответила Вера.

— А вы точно будете работать?

— Буду.

Женщина кивнула. Ей требовалась определённая уверенность, и Вера дала её, хотя сама не знала, выполнит ли обещание.

Полина вышла из своей комнаты с распечатанными письмами. Накануне, получив ответ Крутовой, она отправила наставнику вопросы. Утром Нестеров ответил: исходные материалы находятся в рабочем архиве мастерской; он не разрешал публикацию личных фотографий и готов разъяснить обстоятельства. Из текста можно было понять, что виноват кто-то ещё, но не понять — кто именно.

— Он отменил сегодня занятие, — сказала Полина. — Написал всем, что по личным причинам. Мне надо забрать бумажную папку. Она у нас в шкафу.

— Поедем вместе.

Дочь уже открыла рот для возражения, но Вера добавила:

— Я хочу увидеть, что ты делала. Ты вчера обещала.

— Я ничего не обещала.

— Тогда сейчас попросила.

Полина посмотрела на неё и неожиданно улыбнулась.

— Хорошо. Только там нечего бояться.

Вера не ответила. Она больше не считала это достаточной характеристикой места.

Мастерская занимала две комнаты в здании с множеством маленьких арендаторов. На одном этаже ремонтировали телефоны, продавали канцелярские товары и делали ногти; от соседней двери пахло сладким кремом. У входа в зал висел лист с расписанием, распечатанный на обычном принтере. Фамилия Нестерова стояла рядом с несколькими вечерами и коротким словом «пространство».

Полина открыла дверь. Внутри было светло, пусто и прохладно. По стенам стояли столы, на них — картонные макеты, куски ткани, лампы, коробки с мелкими деталями. Складская комната снова возникла у Веры в памяти, но здесь всё было маленьким и явно незавершённым. Одно окно в картонном доме заклеили жёлтой бумагой, другое оставили пустым. Возле макета лежали ножницы с затупленными концами.

В дальнем углу сидела полная женщина в очках. Перед ней была коробка, внутри которой она устраивала крошечные стулья.

— Полин, ты тоже забирать? — спросила она. — Я думала, нас вообще не пустят. Администратор сказал, аренда оплачена, пользуйтесь.

Полина представила мать. Женщину звали Зоя.

— Мне осталось сделать проход, — объяснила она Вере, указывая в коробку. — Всё время получается, что человек должен идти сквозь стол. В отчётах у меня так не бывает.

— Она бухгалтер, — пояснила Полина.

— Бухгалтер тоже человек, — возразила Зоя. — Иногда даже проходит между столами. Вера улыбнулась впервые с утра.

На стене висели фотографии домашних пространств: кухня с низким потолком, коридор, мастерская со множеством банок, пустая детская. Среди них была гостиная Лесковых. Вера узнала снимок издали и остановилась.

— Это здесь всё время висело?

Полина подошла к стене.

— Мы вывешивали на просмотр. Только на занятии. Потом должны были убрать.

— А осталось.

— Да.

Дочь сняла кнопки. Делала это быстро и неловко; одна упала, Вера нагнулась, нашла её под столом и положила в маленькую коробку рядом с карандашами.

Зоя перестала двигать стулья.

— Что случилось?

Полина посмотрела на мать. Вера не стала отвечать вместо неё.

— По моей комнате сделали декорацию. Без нашего разрешения. И там погиб человек.

Зоя откинулась на спинку стула.

— Вчера в новостях? На складе?

— Наверное. Мы не смотрели.

— Там без подробностей было. Только мужчина найден. Полин, господи...

Она начала вставать, затем села обратно, будто не знала, что сделать, чтобы не мешать.

Вера посмотрела на фотографию в руках дочери. Здесь лица в рамках были закрыты маленькими бумажными прямоугольниками. Полина приклеила их аккуратно, почти в цвет стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.